

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КРЕПОСТНЫХ В ПРОШЕНИЯХ ИМПЕРАТОРУ ПАВЛУ ПЕРВОМУ*

Ерофей Моряков

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

THE REGIONAL IDENTITY OF SERFS IN THEIR PETITIONS TO EMPEROR PAUL I**

Yerofei Moriakov

National Research University
Higher School of Economics,
Moscow, Russia

This article studies serf ideas about their regions at the turn of the nineteenth century. Paul I's reforms changed Russian realities, especially affecting serfs, who became true imperial subjects and found new hope that landlord oppression was going to decrease. Although serf complaints about their masters remained formally prohibited, Paul himself examined more than a hundred during his reign. The author aims to reveal how serfs described their regions in petitions. In this article, serf regional identity in eighteenth-century Russia is examined for the first time. The study refers to published and unpublished materials from the Russian State Archive of Ancient Acts and the Russian State Historical Archive, which contain legal proceedings on serf petitions filed to Paul I in 1797. That year saw a phenomenal increase in peasant unrest, as well as in serf petitions to the monarch. Entire communities often took part in drafting complaints. This study uses methods from regional history, including the analysis of mental maps, ideas about the region, and territorial identity. The author studies the structure of addresses in petitions, serf ideas about the administrative and territorial structure of the Russian Empire, and their reaction to Paul I's provincial reform. The author also analyses how peasants described the world outside of their place of residence, developed their regional identity, and constructed collective memory.

* Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г. Автор выражает благодарность Е. М. Болтуновой, Е. Б. Смилянкой за ценные советы при обсуждении статьи.

** Citation: Moriakov, Ye. (2020). The Regional Identity of Serfs in Their Petitions to Emperor Paul I. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1292–1306. DOI 10.15826/qr.2020.4.528.

Цитирование: Moriakov Ye. The Regional Identity of Serfs in Their Petitions to Emperor Paul I // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1292–1306. DOI 10.15826/qr.2020.4.528 / Моряков Е. Региональная идентичность крепостных в прошениях императору Павлу Первому // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1292–1306. DOI 10.15826/qr.2020.4.528.

Additionally, the author identifies seven complaints whose authors were worried about the fate of their region. They represented the interests of historical regions and not administrative-territorial units. The author concludes that serfs considered themselves residents of a unified space meant for everyone under the rule of the emperor, not just for an autonomous estate.

Keywords: Paul I; serfdom; complaints; regional history; regions; identity.

Исследуются представления крепостных о своем регионе на рубеже XVIII–XIX вв. Реформы Павла I изменили реалии российской действительности, особенно повлияв на крепостных, которые стали настоящими имперскими подданными и прониклись новыми надеждами на уменьшение помещичьего гнета. Несмотря на то что жалобы крепостных против помещиков формально оставались под запретом, Павел I рассмотрел более ста таких жалоб за время своего правления. Цель статьи – выявить, как крепостные представляли в петициях свой регион. Впервые анализируется региональная идентичность российских крепостных в XVIII в. В качестве материалов использованы малоизвестные опубликованные и неопубликованные документы из фондов РГАДА и РГИА, содержащие делопроизводство по прошениям крепостных Павлу I. Подсчитано, что на 1797 г. пришелся всплеск не только крестьянских волнений, но также подач крепостными петиций монарху. В составлении жалоб часто принимала участие вся община. При работе с источниками используются методология региональной истории, анализ ментальных карт, представлений о регионе и территориальной идентичности. Изучены структура адресов петиций, представления крестьян об административно-территориальном устройстве Российской империи, их реакция на губернскую реформу Павла I. Анализируется, как именно крестьяне описывали внешний по отношению к их месту обитания мир, конструировали региональную идентичность и выстраивали коллективную память. Авторы семи жалоб беспокоились за судьбу своего региона в целом, представляли интересы исторических областей, а не административно-территориальных единиц. Делается вывод, что авторы петиций считали себя жителями не только автономной вотчины, но единого для всех пространства Российской империи.

Ключевые слова: Павел I; крепостное право; жалобы; региональная история; представления о регионе; идентичность.

В работе, посвященной картографии Московского царства XVII столетия и восприятию пространства его жителями, Валери Кивельсон отмечает, что крепостные воспринимали себя как часть определенного наполненного смыслом пространства внутри империи, подданными царя. Взаимодействуя с властями, они непременно «сообщали о том, из какой они деревни, с не меньшим постоянством, чем сообщали имя землевладельца, которому принадлежала их деревня». Только холопы обычно не упоминали географические названия при

самоидентификации [Кивельсон, с. 29, 30, 255, 270, 279, 281]. Справедливы ли эти выводы для рубежа XVIII–XIX вв.? Как крепостные представляли свой регион, какие локации наносили на «ментальные карты», как конструировали территориальную идентичность в своих прошениях императору Павлу I [см.: Репина, с. 33–71, 268–276]¹?

Период правления императора, совпавший с рубежом XVIII–XIX вв., важен для историков крестьянства по ряду обстоятельств. Начиная со вступления Елизаветы Петровны на престол в 1741 г., «пашенные крестьяне» не приводились к присяге, но в ноябре 1796 г. крепостные присягнули Павлу I наряду с прочими подданными: многие осознали, что подчиняются не только своему господину, но и государю [РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1. Л. 126; Д. 2985. Ч. 2. Л. 30; РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 50. Л. 8 об.; ПСЗ-1, т. 11, № 8474 (1741, 25 ноября), с. 538; Трифильев, с. 119, 303–307]. Воздействие на крепостных имели и указы 27 ноября и 12 декабря 1796 г. о жалобах на закрепощение и подаче прошений не более чем от одного человека. Они могли быть восприняты как дозволение крепостным подавать просьбы монарху [ПСЗ-1, т. 24, № 17583 (1796, 27 нояб.), с. 16–20; ПСЗ-1, т. 24, № 17636 (1796, 12 дек.), с. 232; РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1. Л. 5–6, 124–126, 146 об.; Трифильев, с. 307–310]. Наряду с другими павловскими нововведениями эти меры, усилив надежды крестьян на правителя, подняли крестьян на широкие выступления: за первый год правления Павла известно о 278 волнениях в 32 губерниях России [Трифилев, с. 284–289]. 5 апреля 1797 г., отчасти в ответ на волнения и сопутствующие им жалобы, был издан «Манифест о трехдневной барщине», фактически запретивший отправлять крепостных на барщину по воскресеньям [Артоболевский, с. 63, 105–121]. Указом 12 декабря 1796 г. «О новом разделении государства на губернии» Павел I переименовал наместничества в губернии, сократил их число с 50 до 41 и одной области, изменил границы регионов, укрупнил или упразднил ряд административных единиц [ПСЗ-1, т. 24, № 17634 (1796, 12 дек.), с. 229–230; Куанчалева].

При Павле I де-юре оставался в силе 13-й пункт 2-й главы Соборного уложения, запрещавший крепостным жаловаться на помещиков по каким бы то ни было поводам, кроме как о преступлениях против государственного строя. Эту норму повторял указ Екатерины II от 22 августа 1767 г. [ПСЗ-1, т. 18, № 12966 (1767, 22 авг.), с. 334–336]. Тогда, вплоть до Пугачевского восстания и губернской реформы, суды и государыня вовсе перестали рассматривать жалобы крепостных на помещиков [Madariaga]. Неудивительно поэтому, что по отношению к представителям других российских страт крепостные подавали жалобы значительно реже. Для сравнения: лишь три прошения из 1920, поступивших в канцелярии кабинет-секретарей А. М. Грибовского и Д. П. Трошинского в 1795–1796 гг., были поданы Екатерине II от крепостных, а 66 –

¹ В рамках настоящей работы понятия «жалоба», «прошение», «петиция» используются как синонимы.

от крестьян других состояний [Кислягина]. Павел I рассмотрел за свое правление более ста таких прошений, хотя за утруждение монарха «недельными жалобами» крепостных могли ждать ссылка в Сибирь или отправка в рекруты [см.: РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 581. Л. 17–20].

Жалобы крепостных Павлу I, а также рапорты о подавлении волнений с информацией об отправке крестьянами петиций сохранились в фонде Тайной экспедиции (РГАДА, ф. 7), а также фонде Канцелярии генерал-прокурора Сената (РГИА, ф. 1374). Крестьянские жалобы были частично опубликованы в сборнике «Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг.» под редакцией С. Н. Валка [Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг.]. Настоящее исследование построено на материалах 101 дела по жалобам Павлу I за 1797 г. Важно отметить, что в них сохранились 72 рукописных петиций².

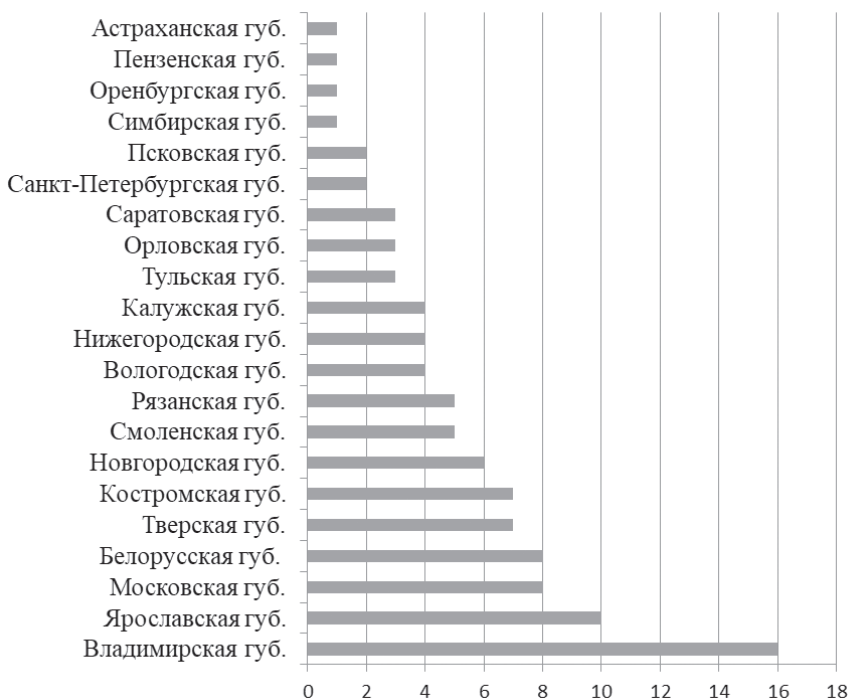
Около 80 % из выявленных жалоб были поданы от крестьянского мира, тогда как остальные – от индивидов. 93 % из прошений составляли крестьяне, и лишь около 7 % – дворовые, служащие в господском доме, то есть в своих жалобах крепостные представляли коллектив, хотя подписаться под жалобой должен был лишь один (согласно указу от 12 декабря 1796 г.). 100 % прошений подавали мужчины в связи с подчиненным статусом крестьянок по отношению к семье, общине, помещику. Подготовив содержание петиции, крепостные выбирали от одного до трех ходоков, которым полагалось доставить просьбу до императорской резиденции. Из-за всей ответственности задачи, равно как и в связи с низкой грамотностью, крепостные иногда прибегали к помощи сторонних лиц: жалобу составляли и/или «прикладывали к ней руку» крестьяне соседних помещиков, городские жители, купцы, дьячки и т. п. [РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1. Л. 180–181 об., 289, 304; Ч. 2. Л. 13–15, 107, 168 об. – 169, 184; Трифилев, с. 142–143, 200]. По итогам разбирательств лишь в семи случаях из 101 решения были вынесены в пользу крестьян, и только четверем помещикам были назначены наказания.

Собранные материалы позволяют выявить частоту поднимавшихся в петициях проблем, о которых крестьяне жаловались императору. Авторы 64 из 72 рукописных петиций пишут о разорении или голоде; 55 – о тяжелом оброке и принудительном труде; 41 – о побоях, убийствах, угрозе убийств; 26 – о захвате крестьянского движимого и недвижимого имущества; 16 – о рекрутчине (о вымогательстве денег за невыдачу в рекруты, о продаже в рекруты); 10 – о разлучении семей переводами крестьян в дворовые и на фабрики; 9 – об изнасилованиях; 7 – о незаконном закрепощении. Очень часто крепостные пишут

² По моим подсчетам, за 1797 г. императору от крепостных было подано не менее 122 жалоб, тогда как за другие годы павловского правления известно не более десяти прошений. В этом году крепостные обращались к монарху значительно чаще, чем в 1768–1825 гг. [РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1–2; 2918. Ч. 1–2; 2984, 2997, 3015, 3019, 3064, 3121, 3567; РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 50, 430, 581, 742; Оп. 2. Д. 887, 1072, 1189; Оп. 3. Д. 1959, 2132, 2593, 2595, 2611, 2630; Оп. 6. Д. 30; Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг.; Трифилев; Павлов-Сильванский, т. 2; Абрамова, с. 53–58].

о трудностях после перехода к новому владельцу, в 13 петициях упомянуто, что авторы были прежде свободными.

Составителями петиций чаще были жители центральных областей империи, тогда как из половины регионов просителей не было вовсе. Представленная ниже диаграмма демонстрирует, как распределяются по губерниям Российской империи известные нам крестьянские жалобы (рис. 1).

1. Количество жалоб крепостных Павлу I за 1797 г.

Сост. по: РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1. Л. 1-346; Д. 2985. Ч. 2. Л. 1-201 об.; Д. 2918.

Ч. 1. Л. 1-331; Д. 2918. Ч. 2. Л. 1-402; Д. 3015. Л. 1-20; Д. 3019. Л. 1-29; Д. 3064.

Л. 1-16; Д. 3567. Л. 1-9.

Распределение петиций по регионам отчасти коррелирует с данными о крестьянских волнениях 1797 г. Волнения вспыхивали главным образом в январе³, а жалобы монарху подавались весной-летом 1797 г. Будучи недовольны итогами открытого неповиновения поме-

³ Е. П. Трифилев приводит данные из донесений губернаторов за ноябрь 1796 – ноябрь 1797 г., согласно которым за тот период в России прошло 278 крестьянских волнений, 56 из них во Владимирской губернии, 41 – в Белорусской, 41 – в Тверской, 33 – в Орловской, 16 – в Псковской, 12 – в Костромской. 139 волнений прошли в январе, и 46 – в мае. 29 января 1797 г. Павел I издал указ о подчинении крепостных своим помещикам, после чего бунтов стало меньше [Трифилев, с. 284-289].

щикам, которое жестоко подавлялось [Де-Пуле], крепостные решили апеллировать ко власти монарха. Вместе с тем, выбор весны-лета для подачи прошений может объясняться лучшими условиями для дальней дороги.

Иерархия в указании адреса: помещичий крестьянин vs житель округа

На основе анализа 65 жалоб Павлу I за 1797 г., в которых есть адресная строка, можно сделать выводы об особенностях самоидентификации крепостных. Я установил, насколько крепостные знали о затронувших их изменениях по губернской реформе Павла I, к какому региону они приписывали свою деревню, на какие позиции в адресе просители ставили помещика и свой регион. Для адреса при указании места жительства не было определенных речевых формул. И хотя структура прошений была предложена в указе Павла I о титуле [ПСЗ-1, т. 24, № 17635 (1796, 12 дек.), с. 231], крестьяне ей не следовали.

В «Учреждении для управления губерний» 1775 г. Екатерины II появилась двойственность административной лексики: в России были введены наместничества, хотя повсеместно в официальных документах как синоним использовали термин «губерния» [ПСЗ-1, т. 20, № 14392 (1775, 7 нояб.), гл. 1, с. 231 и далее]. 12 декабря 1796 г. Павел I разделил страну на губернии, после чего термин «наместничество» не использовался в законодательстве [ПСЗ-1, т. 24, № 17634 (1796, 12 дек.), с. 229–230]. Однако в 26 из 55 крестьянских петиций, написанных в большинстве своем после апреля 1797 г., авторы продолжали называть свои регионы наместничествами.

Реформа Екатерины II создавала и другую двойственность. 16–19-й пункты 1-й главы «Учреждения...» были посвящены «уездам или округам», в которых учреждаются «уездные или окружные» суды [ПСЗ-1, т. 20, № 14392 (1775, 7 нояб.), гл. 1, с. 232]. Эти термины использовались как синонимы для описания одних и тех же регионов, на что редко указывали историки [см.: Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг., с. 771; Куприянов, с. 234 и далее]. В павловском законодательстве упоминались уже только уезды, и двойственность наименований была устранена. Однако в адресной части прошений термин «округа» встречался в 40 из 59 случаев, тогда как в остальных адресах представлены «уезды». «Округа» часто встречались и в делопроизводственной переписке. Это понятие, обозначавшее в широком смысле любую окрестность, к 1797 г. стало привычным и прочно закрепилось на ментальных картах жителей России [Даль, т. 2, стб. 1727–1728, «Округлить»; Готье, т. 1, с. 104].

В середине 1797 г. крестьяне все еще не знали, продолжал ли существовать их уезд после реформы, или он был упразднен. В десяти адресных строках после губерний указаны ликвидированные Павлом I уезды: Александровский, Калязинский, Суражский, Сергачский, Лушский, Никитский, Плесский, Перевозский. В каждом случае они

названы округами [РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1. Л. 86, 125, 144, 340; Ч. 2. Л. 15, 19, 21, 96, 104, 105]. Резонно предположить, что «округу» как более широкий термин авторы выбирали здесь из-за сомнений в пореформенном статусе региона. То, что крестьяне еще не успели ознакомиться с новыми реалиями административно-территориального устройства, подтверждает и анализ карт из атласов Российской империи за 1792 и 1800 гг. Лишь в одном случае мы видим, что проситель из упраздненного Павлом I уезда указал в прошении административную единицу, к которой была приписана его деревня после реформы⁴.

После указания своих уездов/округ авторы петиций иногда упоминали микрорегионы, потерявшие актуальность для государственного управления к концу XVIII в.: стан, треть, область, шесть волостей, а также две округи. Крепостные А. А. Обалдуевой из села Благовещенского и деревни Погорелки на юге Варнавинского уезда Костромской губернии представились жителями «Ветлужской волости». Имелся в виду вовсе не Ветлужский уезд, образованный в 1778 г. (упомянутые деревни находились далеко на юго-западе от него). Речь шла об исторической Ветлужской волости. Она была передана в 1661 г. Макарьево-Унженскому монастырю и в середине XVIII в. включала села Баки и Холкино, близкие упомянутым выше деревням. Крестьяне П. И. Черевина, в свою очередь, указали в адресе «Белозерский уезд Чаронскую округу», очевидно, памятуя о Чарондской округе XVII в. и Чарондском уезде, существовавшем до 1775 г. Вместе с тем, для именования помещичьих земель в петициях широко использовалась категория «вотчина». В трех адресах вотчинам подобраны такие названия, как «вотчина Усвят», «Анинская вотчина» или же обширная «Калининская вотчина», к которой относились десять белозерских деревень [РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1. Л. 32, 41, 122, 127, 144, 321, 342; Ч. 2. Л. 99-100; Д. 2918. Ч. 2. Л. 64; Российский атлас, 1800; Диев, с. 7-8].

В десяти из 65 жалоб в адресной строке крепостные пропускали губернию: они представлялись напрямую жителями деревень Мышкинского, Рыбинского, Вологодского, Переяславль-Залесского уездов, Суздальской, Александровской, Варнавинской или Клинской округ, Комарицкой волости, сельца близ г. Александрова. Во всех случаях, кроме одного, просители не упоминали своей губернии и в содержании жалоб. Хотя крестьяне редко посещали губернские города [Швейковская, с. 226, 251-253, 344], они знали о крупных центрах поблизости, что свидетельствует о пропуске названия губернии при обращении к императору как об осознанном решении. С одной стороны, крестьяне могли бояться допустить ошибку в связи с переменами

⁴ В июне жалобу написали крестьяне вотчины И. И. Михеева из «Владимирской губернии *Переяславской округи* села Успенского». До реформы это село числилось в Александровском уезде, после реформы Александровский уезд вошел в состав Переяславского [РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1. Л. 58; Российский атлас, 1792; Российский атлас, 1800].

по губернской реформе; с другой – такой пропуск мог определяться особой идентичностью жителей Центральной России, чьи территории были ядром при становлении Московского царства. Возможно, начиная петицию словами «*Вашего* города Александрова сельца Гришина», они рассчитывали напомнить правителю о важности их города для царской династии [РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1. Л. 41, 75, 91, 99, 180 об., 274, 341; Ч. 2. Л. 21, 109, 180].

Понятия «регион» и «владелец» занимали в формуляре петиции разные позиции и имели разную значимость. Может показаться, что крепостные должны были представляться перед монархом в первую очередь как люди определенного помещика, но все обстояло иначе. В 57 адресах прошений присутствуют как регион, так и помещик. В 11 из них присутствует очередность «губерния и уезд – помещик – деревня». Такой порядок соответствовал устройству России, где помещик мог владеть несколькими деревнями, в связи с чем логично было указывать сначала уезд, потом помещика, а затем деревню⁵. 32 крестьянина-челобитчика (56 %) в адресе сначала упомянули место жительства, и только потом – помещика. В большинстве жалоб не только название губернии и уезда, но даже название деревни предшествовали имени ее владельца, в адресах семи прошений подданные упомянули только регион.

Податели жалоб могли вкладывать особый смысл в адресную часть прошений, где указывали собственное имя, место жительства и владельца. Известно, что начертание имени, подпись имели в сознании многих магическую природу. Крестьяне относились с особенной настороженностью к приложению рук, даче расписок и удостоверений [Егоров, с. 136–139]. Закономерно предположить, что указание имени помещика во вторую очередь или отсутствие указания могли свидетельствовать об отношении авторов к душевладельцу. Согласно распространенным патерналистским представлениям крепостных, хорошие господа должны были с ними обходиться «как отцы с детьми». Ответчики-помещики этому образу не соответствовали, что нашло отражение в словах крестьян: «Он нам видно, что *не господин*, а разоритель всему народу (здесь и далее курсив мой. – Е. М.)» [РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1. Л. 145 об. – 146, 324]. Важно отметить, что большинство крепостных в 1797 г. не просили монарха об освобождении: мне известно только шесть прошений о воле.

В формуляре жалоб крепостных на помещиков адрес просителя несет важную информацию. Об окрúгах в жалобах писали чаще, чем об уездах, что может объясняться не только удобством этого термина для крестьян, но также их сомнениями в статусе края после губерн-

⁵ Крестьяне могли начать жалобу следующим образом: «Просят Клинской округи вотчины господина прапорщика Николая Васильевича Плахова сельца Логинова и деревни Баранцовой крестьянин Дементий Кузмин со крестьяны, а о чем мое прошение, о том следуют пункты» [Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг., с. 101].

ских реформ. На рубеже XVIII-XIX вв., когда Павел I начал принимать меры по улучшению положения крепостных, по-прежнему на их ментальных картах присутствовали деревня, близлежащая округа и помещичья вотчина, хотя крепостные, видимо, начали сильнее осознавать принадлежность деревни к единому пространству страны и свое подданство императору.

Репрезентация региона в содержании прошений

Содержание прошений позволяет понять, каким крепостные видели пространство империи. Жанровые особенности петиций во многом определяли то, как в них был представлен регион: пространство за пределами помещичьей вотчины могло описываться как место работы, торговли людьми, судебного производства. Авторы жаловались, что помещик отправлял их трудиться на знакомого священника в Чухлому [РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1. Л. 321 об.], поставлять на подводах «вино», хлеб, овес, лен и другие господские припасы за пределы вотчины [Там же. Ч. 1. Л. 58, 125 об., 222-222 об., 344; Ч. 2. Л. 105; Д. 2918. Ч. 1. Л. 254 об. -255]. Сообщали о вывозе односельчан на продажу «прочим господам» в Москву, Владимир или Раненбург. Авторы жалоб упоминали продажу крепостных в период рекрутского набора, что считалось преступлением [РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1. Л. 146 об., 186, 331, 344 об.; Ч. 2. Л. 19-19 об., 38, 106-106 об., 160, 177-177 об., 183-183 об; ПСЗ-1, т. 17, № 12748 (1766, 29 сент.), с. 998-1000. Ч. 1. П. 1, 8]. О своих петициях в суды уездного и губернского уровней крепостные упоминали редко. Но случалось, что рассказ о неудачных попытках добиться справедливости на местах предварял прошение к императору [см.: РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1. Л. 41 об., 318 об.; Ч. 2. Л. 100]. Авторы прошений старались объяснить причину обращения к Павлу I, особенно если делали это повторно, ведь их могли обвинить в «недельном утруждении» монарха.

Иногда обращение к правителю разрасталось и складывалось в горестный травелог, когда крестьяне описывали отдельные этапы своего пути до монаршего престола. До подачи прошения и в период его рассмотрения ходоки скитались «где день и где ночь, не имея пищи дневной, кроме милостыни», пытались найти подработку, тяжело переживали разлуку с семьей, над которой нависала угроза мести со стороны помещика [Там же. Ч. 1. Л. 124 об., 180 об.-182, 228-229; Ч. 2. Л. 7]. Осознание крестьянами рискованности их обращения к монарху приводило к сомнениям во всем предприятии. В двух петициях за 1797 г., а также в одной жалобе за 1799 г., повествующей о событиях 1797 г., крестьяне сообщили, что уже было отправились к монарху с петицией, но после «обробели», подать жалобу «не осмелились» и вернулись в деревню. Крепостные боялись не только наказания от помещиков: один проситель слышал, что подателей жалоб царю наказывают кнутом [Там же. Ч. 1. Л. 124 об., 181, 228-228 об.; Ч. 2. Л. 108-108 об.]. Рассказывая

о своем пути до канцелярии императора, автор петиции, в отличие от героя литературного травелога, предстает участником, а не наблюдателем событий [Аксенова, с. 171, 174]. Проситель не ставил цели рассказать об увиденном в Санкт-Петербурге, Гатчине, Павловске, Москве, в других городах и деревнях, в своем нарративе он сообщал обычно лишь о перенесенных им и его семьей физических и нравственных страданиях.

В редких жалобах можно найти и «локальный текст», привязывающий повествование к конкретному региону [Башмакофф, с. 577–579]. Коллективная рефлексия о характере территории обнаруживается лишь в жалобах крестьян из Белорусской губернии и Комарицкой волости.

Орловские крепостные княжны Н. П. Голицыной в январе 1797 г. обратились к императору следующим образом: «просят всей Камарицкой волости крестьяне, прежде бывшие во владении... Ушакова, а ныне состоящие за... Голицыной» [Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг., с. 107]. Почему авторы подали жалобу от Комарицкой волости в целом, при том что они жаловались на условия в конкретном имении? Комарицкая дворцовая волость с XVI в., будучи пограничным регионом, подчинялась непосредственно Москве. Комарицкие, как считалось, отличались бунтарским характером и свободолобием. В XVII в. тяглых людей здесь переводили в драгуны [Мартемьянов; Новосельский]. С начала XVIII в. многие земли края стали раздавать дворянам, что означало их исключение из состава дворцовой волости. Однако жители продолжали называть территории Севского уезда Комарицкой волостью. Крепостные Голицыной упомянули А. И. Ушакова, которому при вступлении на престол Анны Иоанновны выделили здесь 500 дворов. Среди них «из-за денной и ночной работы вовсе беспрестанной» при барыне остались лишь 238 дворов. Крестьяне посетовали, как им тяжело сочетать фабричный труд с полевыми работами, тогда как за последние 20 лет управитель вотчины построил четыре винокуренных завода. Коллективная память о воле и последующей раздаче в частные руки, а также тяжелый заводской труд объединяли крепостных с соседями по округе. Вероятно, именно поэтому они подали прошение от всего региона и в его заключении указали, что представляют «пред лицо» монарха выборных, а именно «сих несчастных и под игом страждующих рабов от нашей волости трех человек» [Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг., с. 107–109].

Петиции белорусских крестьян дают основания говорить, что их авторы конструировали свою региональную идентичность. Составители шести жалоб происходили из территории, которая до 1772 г. была частью Витебского воеводства в составе Великого княжества Литовского в Речи Посполитой. После эти земли присоединили к России, а 12 декабря 1796 г. в результате объединения Могилевского и Полоцкого наместничеств здесь была образована Белорусская

губерния. Все прошения, кроме одного, коллективные. В адресной части крепостные указывали упраздненное Павлом I Полоцкое наместничество, хотя в содержании прошений определяли себя как жители Белорусского края. Крестьяне конца XVIII в. использовали слово «белорусский» в применении как к региону, так и к этносу. Просители рассматривали российский и белорусский народы как близкие. Лишь один автор назвал монарха «отцом многолюдного белорусского христианского народа», в то время как в трех случаях к правителю обратились как к защитнику одновременно «белоросейского и росейского» народов, а в двух – как к отцу «многолюдного российского народа христианского» или «всероссийского христианского народа» [РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1. Л. 124 об., 126 об., 128, 145 об., 147, 342 об.].

Историки указывают, что первые достоверные сведения об этнической идентичности населения Белоруссии появляются только в «приходских списках» середины XIX в., при составлении которых жители востока края определяли себя «белорусами», а запада – «литвинами» [Терешкович, с. 202–205]. Также известно, что во второй половине XIX в. белорусские крестьяне зачастую уклонялись от вопроса об этнической принадлежности, упрямо определяя себя здешними («тутэйшыми») [Токть, с. 225–226]. Напротив, в выявленных прошениях крепостные использовали понятие «народ» при характеристике монарха как защитника определенных народов, белорусского и русского. Этим белорусские петиции отличаются от других жалоб в выборке, где понятие «народ» используется реже и в значении «люди».

По материалам прошений можно установить, к какому периоду времени крепостные относили формирование Белорусского края. Две группы крестьян указали, что их регион соединили в Белорусский край (присоединили) уже после 1772 г., то есть край был образован в Российской империи. Жители деревни Лужанки Суражской округи писали о «присоединении *от Польши в Белорусский край* под державу» императора, тогда как крепостные деревни Боброва Городокского уезда упомянули, что были «соединены в 1772 году *из Польши в Белорусский край* под державу» царя [РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1. Л. 125, 127]. С другой стороны, крестьяне вотчины Ф. П. Рысинского из Себежского уезда попросили у Павла I «отеческого покровительства и защиты *по разорению нашего беларускаго края* в первом, как мы достались от Польши в казну» [Там же. Л. 146]. Тем самым, у крестьян существовало два видения ситуации: их земли были соединены в Белорусский край после присоединения к России, или же Белоруссия как целостный регион появилась еще в Речи Посполитой⁶.

⁶ Второе видение разделял также крестьянин Василий Говоровский «из Могилевского наместничества Оршанского уезда», который в 1798 г. в жалобе Павлу I указывал, что «белоруски краи присоединены к Россииской державе» [РГИА. Ф. 1374. Оп. 3. Д. 1072. Л. 1–3].

В прошениях присутствует идея о разорении «нашего» Белорусского края [РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1. Л. 123, 146, 342 об.] или, по крайней мере, отдельных белорусских деревень после присоединения региона к России [Там же. Л. 125, 127]. Крестьяне, кажется, выстраивали коллективную идентичность на основе памяти о Польше, сетуя на утрату благополучия после 1772 г. Но, как и авторы из Центральной России, они ничем не выказывали стремления к воле. Разделяя патриархальные воззрения, они сравнивали прошлых хороших господ с нынешними, в обоих случаях имея в виду российских помещиков: А. А. Вяземского предпочитали Д. А. Зубову, Н. М. Панина и Д. И. Фонвизина – Ф. П. Рысинскому, П. Бакунина – М. Бакунину [Там же. Л. 145 об., 146, 342].

Содержание петиций редко выходило за рамки повествования о внутренних проблемах одной отдельно взятой вотчины. Однако в жалобах мог появляться нарратив о тяготах и опасностях, связанных с выступлением против помещика и поиском защиты у власть предержащих. Только в 10 % рукописных петиций крепостные выражали беспокойство за судьбу всей волости или даже целого края.

Исследование адресной строки и содержания жалоб крепостных Павлу I позволило выявить, как крепостные представляли свой регион вскоре после широкомасштабных волнений рубежа 1796–1797 гг., после новой губернской реформы. Крепостные на рубеже XVIII и XIX вв. воспринимали себя как подданные царя, жители единого пространства империи, чему способствовала и политика Павла I.

Список литературы

Абрамова И. Л. Политика самодержавия в отношении частновладельческих крестьян в 1796–1801 гг. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: История. 1989. № 4. С. 47–59.

Аксенова М. В. Травелог: путешествие жанра и жанр путешествий // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 3. С. 170–176. DOI 10.29025/2079-6021-2018-3(31)-170-176.

Артоболевский А. А. Манифест о трехдневной барщине Павла I: предпосылки появления и условия реализации : дис. ... канд. ист. наук. Пенза : [Б. и.], 2006. 181 с.

Башмакофф Н. Локальный текст, голос памяти и поэтика пространства // История и повествование / под ред. Г. В. Обатнина и П. Песонена. М. : Новое лит. обозрение, 2006. С. 576–591.

Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II : в 2 т. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Севко, 1913. Т. 1. 492 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 3-е изд. СПб. ; М. : Т-во М. О. Вольф, 1905. Т. 2. 2030 стб.

Де-Пуле М. Ф. Крестьянские волнения 1796–1798 гг. // Рус. архив. 1869. Вып. 3. Стб. 525–577.

Диев М. Я. Старинные волости и станы в Костромской стороне : материалы для историко-географического словаря Костромской губернии. М. : Печатня А. Снегиревой, 1909. 84 с.

Егоров А. К. Крестьянские волнения первой половины XIX века в контексте социально-политических и религиозных представлений русского крестьянства : дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск : [Б. и.], 2006. 177 с.

Кивельсон В. Картографии царства : Земля и ее значения в России XVII века. М. : Новое лит. обозрение, 2012. 360 с.

Кислягина Л. Г. Канцелярия статс-секретарей при Екатерине II // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. / под ред. Н. Б. Голиковой. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1991. С. 175–189.

Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг. : сб. док. / под ред. С. Н. Валка. М. : Изд-во соц.-эк. лит., 1961. 1048 с.

Куанчалева Л. Ш. Губернская реформа в России на рубеже XVIII–XIX вв. // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 1. С. 212–216.

Куприянов А. И. Выборные практики дворянства Московской губернии в конце XVIII – начале XIX века // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века / под ред. О. Глаголевой и И. Ширле. М. : Новое лит. обозрение, 2012. С. 228–266.

Мартемьянов Т. А. Правда о «Комарицкой» и «Барыне» // Ист. вестн. 1900. Т. 82. С. 161–176.

Новосельский А. А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости во второй половине XVII в. // Вопросы сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России / под ред. В. К. Яцунского. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 65–80.

Павлов-Сильванский Н. П. Волнения крепостных при Павле I // Н. П. Павлов-Сильванский. Соч. : в 3 т. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. Т. 2. Очерки по русской истории XVIII–XIX вв. С. 154–187.

ПСЗ-1. Собр. 1. Т. 11, 17, 18, 20, 24.

РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1–2; 2918. Ч. 1–2; 2984, 2997, 3015, 3019, 3064, 3121, 3567.

РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 50, 430, 581, 742; Оп. 2. Д. 887, 1072, 1189; Оп. 3. Д. 1959, 2132, 2593, 2595, 2611, 2630; Оп. 6. Д. 30.

Репина Л. П. Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога. М. : Аквилон, 2017. 560 с.

Российский атлас, из сорока четырех карт состоящий и на сорок два наместничества империю разделяющий / сост. А. М. Вильдбрехт. СПб. : Тип. горн. училища, 1792. 45 л.

Российский атлас, из сорока трех карт состоящий и на сорок одну губернию империю разделяющий / сост. А. М. Вильдбрехт. СПб. : Геогр. деп. Императ. Акад. наук, 1800. 43 л.

Терешкович П. Пограничье как судьба: метаморфозы идентичности в восточноевропейском пограничье // *Ab Imperio*. 2009. № 1. С. 191–226. DOI 10.1353/imp.2009.0084.

Токть С. Белорусская идентичность в XIX ст. // *Перекрестки*. 2007. № 3–4. С. 202–230.

Трифилев Е. П. Очерки из истории крепостного права в России. Царствование императора Павла I. Харьков : Печ. дело, 1904. IV, 361 с.

Швейковская Е. Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII века. М. : Индрик, 2012. 368 с.

Madariaga I. Catherine II and the Serfs: A Reconsideration of Some Problems // *Slavonic and East European Rev.* Vol. 52. 1974. № 126. P. 47–54.

References

Abramova, I. L. (1989). *Politika samoderzhaviya v otnoshenii chastnovladel'cheskikh krest'yan v 1796-1801 gg.* [The Autocracy's Policy Towards Serfs, 1796-1801]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*. No. 4, pp. 47–59.

Aksenova, M. V. (2018). Travelog: puteshestvie zhanra i zhanr puteshestvii [Travelogue: The Travel of Genre and the Genre of Travel]. In *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*. No. 3, pp. 170–176. DOI 10.29025/2079-6021-2018-3(31)-170-176.

Artobolevskii, A. A. (2006). *Manifest o trekh dnevnoi barshchine Pavla I: predposylki ponyavleniya i usloviya realizatsii* [The Manifesto of Three-Day Statute Labour of Paul I: the prerequisites of its appearance and conditions of realization].

Prerequisites for Emergence and Conditions for Implementation]. Dis. ... kand. ist. nauk. Penza, S. n. 181 p.

Bashmakoff, N. (2006). Lokal'nyi tekst, golos pamyati i poetika prostranstva [Local Text, Voice of Memory, and the Poetics of Space]. In Obatnin, G. V., Pesonen, P. (Eds.). *Istoriya i povestvovanie*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 576–591.

Dahl, V. I. (1905). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. 4 Vols.]. 3rd Ed. St Petersburg, Moscow, Tovarishchestvo M. O. Wol'fa. Vol. 2. 2030 columns.

De-Pule, M. F. (1869). Krest'yanskie volneniya 1796–1798 gg. [Peasant Unrest in 1796–1798]. In *Russkii arkhiv*. Iss. 3, columns 525–577.

Diev, M. Ya. (1909). *Starinnye volosti i stany v Kostromskoi storone: materialy dlya istoriko-geograficheskogo slovara Kostromskoi gubernii* [Old Volosts and Outposts in Kostroma Region: Materials for a Historical and Geographical Dictionary of Kostroma Province]. Moscow, Pechatnya A. Snegirevoi. 84 p.

Egorov, A. K. (2006). *Krest'yanskie volneniya pervoi poloviny XIX veka v kontekste sotsial'no-politicheskikh i religioznykh predstavlenii russkogo krest'yanstva* [Peasant Unrest in the First Half of the 19th Century in the Context of Socio-Political and Religious Representations of the Russian Peasantry]. Dis. ... kand. ist. nauk. Petrozavodsk, S. n. 177 p.

Gauthier, Yu. V. (1913). *Istoriya oblastnogo upravleniya v Rossii ot Petra I do Ekateriny II v 2 t.* [The History of Regional Governance in Russia from Peter I to Catherine II. 2 Vols.]. Moscow, Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko. Vol. 1. 492 p.

Kislyagina, L. G. (1991). Kantselyariya stats-sekretarei pri Ekaterine II [The Chancery of State Secretaries under Catherine II]. In Golikova, N. B. (Ed.). *Gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii XVI–XVIII vv.* Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, pp. 175–189.

Kivelson, V. (2012). *Kartografii tsarstva. Zemlya i ee znacheniya v Rossii XVII veka* [Cartographies of Tsardom: Land and Its Significance in 17th-Century Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 360 p.

Kuanchaleeva, L. Sh. (2012). Gubernskaya reforma v Rossii na rubezhe XVIII–XIX vv. [The Province Reform in Russia at the Turn of the 19th Century]. In *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*. No. 1, pp. 212–216.

Kupriyanov, A. I. (2012). Vybornye praktiki dvoryanstva Moskovskoi gubernii v kontse XVIII – nachale XIX veka [The Electoral Practices of the Moscow Provincial Nobility in the Late 18th and Early 19th Centuries]. In Glagoleva, O., Shirle, I. (Eds.). *Dvoryanstvo, vlast' i obshchestvo v provintsial'noi Rossii XVIII veka*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 228–266.

Madariaga, I. (1974). Catherine II and the Serfs: A Reconsideration of Some Problems. In *Slavonic and East European Rev.* Vol. 52. No. 126, pp. 47–54.

Martem'yanov, T. A. (1900). Pravda o “Komaritskoi” i “Baryne” [The Truth about Komaritskaya and Barynya]. In *Istoricheskii vestnik*. Vol. 82, pp. 161–176.

Novosel'skii, A. A. (1961). Dvortsovye krest'yane Komaritskoi volosti vo vtoroi polovine XVII v. [Palace Peasants in Komaritskaya Volost in the Second Half of the 17th Century]. In Yatsunskii, V. K. (Ed.). *Voprosy sel'skogo khozyaistva, krest'yanstva i revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii*. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 65–80.

Pavlov-Sil'vanskii, N. P. (1910). Volneniya krepostnykh pri Pavle I [Peasant Unrest under Paul I]. In Pavlov-Sil'vanskii, N. P. *Sochineniya v 3 t.* St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. Vol. 2. Ocherki po russkoi istorii XVIII–XIX vv., pp. 154–187.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 11, 17, 18, 20, 24.

Repina, L. P. (2017). *Rekonstruktsii mirovoi i regional'noi istorii: ot universalizma k modelyam mezkhul'turnogo dialoga* [Reconstructions of World and Regional History: From Universalism Towards Models of Intercultural Dialogue]. Moscow, Akvilon. 560 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 7. Dos. 2985. Part 1–2; 2918. Part 1–2; 2984, 2997, 3015, 3019, 3064, 3121, 3567.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 1374. List 1. Dos. 50, 430, 581, 742; List 2. Dos. 887, 1072, 1189; List 3. Dos. 1959, 2132, 2593, 2595, 2611, 2630; List 6. Dos. 30.

Shveikovskaya, E. N. (2012). *Russkii krest'yanin v dome i mire: severnaya derevnya kontsa XVI – nachala XVIII veka* [Russian Peasant at Home and in a Village Community: The Northern Village between the Late 16th and Early 18th Centuries]. Moscow, Indrik. 368 p.

Tereshkovich, P. (2009). Pogranich'e kak sud'ba: metamorfozy identichnosti v vostochnoevropeskom pogranich'e [Borderlands as Fate: Metamorphoses of Ethnicity in East European Borders]. In *Ab Imperio*. No. 1, pp. 191–226. DOI 10.1353/imp.2009.0084.

Tokt', S. (2007). Belorusskaya identichnost' v XIX st. [Belarusian Identity in the 19th Century]. In *Perekrestki*. No. 3–4, pp. 202–230.

Trifil'ev, E. P. (1904). *Ocherki iz istorii krepostnogo prava v Rossii. Tsarstvovanie imperatora Pavla I* [Essays on the History of Serfdom in Russia. The Reign of Emperor Paul I]. Kharkov, Pechatnoe delo. IV, 361 p.

Valk, S. N. (Ed.). (1961). *Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v 1796–1825 gg. Sbornik dokumentov* [The Peasant Movement in Russia, 1796–1825. Collection of Documents]. Moscow, Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury. 1048 p.

Vil'dbrekht, A. M. (Ed.). (1792). *Rossiiskii atlas, iz soroka chetyrekh kart sostoyashchii i na sorok dva namestnichestva imperiyu razdelyayushchii* [Atlas of the Russian Empire, Consisting of 44 Maps, Dividing the Empire into 42 Viceroyalties]. St Petersburg, Tipografiya gornogo uchilishcha. 45 p.

Vil'dbrekht, A. M. (Ed.). (1800). *Rossiiskii atlas, iz soroka trekh kart sostoyashchii i na sorok odnu guberniyu imperiyu razdelyayushchii* [Atlas of the Russian Empire, Consisting of 43 Maps, Dividing the Empire into 41 Provinces]. St Petersburg, Geograficheskii departament Imperatorskoi Akademii nauk. 43 p.

The article was submitted on 21.04.2020